

Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате семейной политики и защиты детства в современной России

*Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов,
Виктория Антонова, Светлана Бирюкова*

В современной политике как на национальном, так и на международном уровнях, дети позиционируются как один из важнейших ресурсов и вместе с тем как одна из категорий населения, которая нуждается в специальных гарантиях их прав. Актуальные представления о потребностях детей в значительной степени зависят от истории развития представлений о нормах воспитания и варьируются от страны к стране (см., напр., об истории проблематизации жестокого обращения с детьми: Рид 2004). Подвергаются трансформации существующие и появляются новые социальные институты и акторы, от которых во многом зависит то, как живут и растут дети. Даже в рамках одной страны постоянно происходят столкновения мнений о том, как следует воспитывать детей и где им лучше живется. Эти столкновения, приобретая характер публичных кампаний, нередко играют роль катализаторов массовых волнений и изменений нормативно-правовой базы или,

Глава написана по материалам аналитической записки, подготовленной авторами по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и публикуется в адаптированном виде с разрешения Фонда. Авторы благодарят Викторию Шмидт за ценные рекомендации по доработке текста главы.

напротив, могут тормозить законодательные реформы, как это произошло, например, с ювенальной юстицией в России (Львовский 2010).

Изменения представлений о детстве в современном обществе воплощаются как в повседневных практиках воспитания, в индустрии детских товаров и услуг, так и в концепциях, мерах и институтах социальной политики. Одной из таких инноваций в России стала идея разработать систему оценки проектов и программ в сфере детства, причем акторами социальной политики и авторами идеи нередко выступают негосударственные благотворительные фонды (см.: Общие принципы в оценке; Влияние и роль донорских; Фонд поддержки детей 2013). Основной целью такого мониторинга становится постановка задач и корректировка уже осуществляемой политики, в том числе и посредством представления результатов как общественности, так и тем, кто принимает решения, что обеспечивает прозрачность и подотчетность ключевых принципов публичной политики, в том числе и в сфере детства.

Одним из понятий, на котором сфокусировано внимание исследователей и законодателей в разных странах мира, выступает «детское благополучие» (child well-being), которое напрямую связано с понятиями прав и потребностей ребенка, поскольку позволяет определить точку отсчета в дебатах о том, что детям нужно и как это следует обеспечить. Но измерение такого конструкта, как детское благополучие, является довольно сложной задачей. Это комплексная и междисциплинарная область исследований, в которой внимание уделяется разнообразным и не всегда однозначно определяемым параметрам благополучия ребенка. Среди этих параметров – состояние здоровья и возможности для полноценного физического, умственного и эмоционального созревания, наличие такой дружественной детям социальной среды, которая способствовала бы их росту и развитию, поощряла самовыражение, творчество и ответственность. Есть и другие не менее важные категории, на которых фокусируют свое внимание крупные международные организации, стремящиеся оценивать результативность политики защиты детей: детская бедность, эффективность социальной защиты, дружественные детям города, инклюзия. Следует отметить, что все эти категории требуют отдельных оценочных инструментов, которые могут видоизменяться и уточняться с течением времени, как и определение самих концептов.

Между тем в публичном дискурсе современной России пока что распространено другое понятие, а именно «детское (и семейное) неблагополучие». В этой главе мы обсудим, является ли эта

категория удобной и полезной для анализа ситуации или она стала медийным жупелом, предъявляемым публике с целью внушить страх и отвращение и перетекающим в повседневное употребление как удобный инструмент деления окружающих на «своих» и «чужих», нормальных и ненормальных. Затем рассмотрим категорию «детское благополучие», операционализируем ее при помощи критериев, разработанных в отечественной и зарубежной литературе, в публикациях межстрановых сравнений, и представим примеры применения этих критериев для развития системы мониторинга в России.

Контекст употребления понятия «детское неблагополучие»

Стигма неблагополучия

В современной России понятие «детского неблагополучия» активно используется в языке чиновников и специалистов социальных сервисов. В 1990–2000-е гг. в обиходе специалистов, в СМИ и среди населения появилось и стало очень популярным словосочетание «неблагополучная семья». Наряду с ним нередко приходится слышать и выражение «неблагополучные дети». Попытки объяснить смысл этих понятий в литературе в основном сводятся к обширному перечню типов семей или к примерам отклоняющегося поведения несовершеннолетних. В перечень описательных характеристик «неблагополучной семьи» авторы включают «и низкий уровень доходов семьи, и бездуховность, и асоциальное поведение родителей, конфликтные взаимоотношения между супругами, детьми и родителями, злоупотребление спиртными напитками и многое другое» (Орлова 2006: 150). Это понятие не имеет четкого определения, но нередко подразумевает семейную структуру как один из критериев. В такой семье «нарушена структура, обесцениваются или игнорируются основные семейные функции, имеются явные или скрытые дефекты» (Целуйко 2006: 9). Помимо семей с «открытым неблагополучием», к которым исследователи относят «конфликтные, проблемные, асоциальные» типы, предлагается обратить внимание на семьи со «скрытой формой неблагополучия», где за внешним благополучием, по мнению авторов, скрываются расхождения с общепринятыми моральными ценностями, и на формирование личности ребенка якобы оказывается деструктивное влияние (Целуйко 2006). Остается лишь догадываться, насколько расширительно можно толковать «общепринятые моральные ценности».

Использование таких близких эпитетов, как «дисфункциональная», «дезадаптивная» не спасает положение, определения все равно остаются широкими, расфокусированными и принципиально неизмеримыми. Так, к «дезадаптивным» семьям относят те, в которых нарушается принцип социальной адаптации как такого «взаимодействия личности и социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников» (Солодников 2004: 76). Приводимые в литературе критерии «дезадаптивных» семей сомнительны, к ним относится, например, низкий уровень образования, малое или наоборот слишком большое количество детей, наличие заболеваний и негативное общественное мнение в отношении семьи.

Анализ показывает, что вошедшие в обиход понятия не только являются терминологически размытыми, но и относятся к образцам дискриминирующего языка. Проблема в том, что когда мы употребляем оценочное прилагательное «неблагополучный», мы сразу же оказываемся не в нормативно-правовом и не в аналитическом, а в морально-нравственном поле, которое может нам предоставить весьма субъективный, относительный и потому рискованный язык для объяснения сложных социальных проблем. Навешивание ярлыков наподобие «неблагополучной семьи» или «трудных подростков» не ведет к эффективному выявлению проблемы, не помогает определить ее причины и найти способы решения. А когда семью относят к категории «неблагополучной» на основании особенностей ее структуры, состава домохозяйства, получается, что нейтральные характеристики приобретают оценочный характер и стигматизируются. Например, семьи с одним родителем, многодетные семьи вовсе не представляют собой зону риска, как и дети, в них воспитывающиеся. Из того, что в семье есть ребенок с ограниченными возможностями, инвалидностью, вовсе не следует «неблагополучие» этого ребенка или всей семьи. Если доходы семьи позволяют отнести ее к категории «малообеспеченных», это еще не дает никому право называть ее к тому же «неблагополучной».

Для некоторых специалистов, экспертов, чиновников, ученых стало уже привычным и нормальным в каждодневной работе делить своих клиентов, подопечных, испытуемых и обследуемых на благополучных и неблагополучных. Но самих детей и их родителей подобные наименования деморализуют: ведь согласно стереотипу, или стигме (см.: Исола 2009; Ярская-Смирнова 2010), их считают аморальными, несчастными, неумными и опасными для общества. А стигма, как известно (Гофман 2001), действует таким образом, что человек принимает ее, свыкается с приписываемыми ему определениями.

Повседневные знания, мнения, распространенные в обществе, часто перекликаются с публичными дискурсами или воспроизводят их. Прагматика социальной защиты вызывает к жизни попытки истолкования или расшифровки заявляемых понятий, например, «семейное неблагополучие» авторы проекта одной региональной концепции социального обслуживания объяснили следствием «утраты родственных связей и преемственности поколений», а в других публикациях к понятию «неблагополучные семьи» относят многодетные, неполные, находящиеся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, семьи с ребенком-инвалидом или хронически больным ребенком, малообеспеченные, проблемные, кризисные и так далее (напр., Целуйко 2006 и др.; см. анализ таких публикаций: Исола 2009; Ярская-Смирнова 2010). Тем самым возникает широкое поле допущений и толкований, большая часть из которых переходит до уровня повседневных акторов – социальных работников, педагогов, психологов детских учреждений – в виде упрощенных, но не всегда четко проговариваемых формул.

Кроме того, поскольку семья воспринимается специалистами как объект педагогических, медицинских воздействий и контроля: «здоровые», «нормальные» и «обычные» противопоставляются «неблагополучным», то публикации экспертов (психологов, социологов, медиков) порой категориально организованы как дискурс диагноза и контроля: не любовь, а «направленность на секс», не служебный рост, а «погоня за карьерой», не общение с друзьями, а «контакты с себе подобными и скатывание в алкоголизм» (см.: Елизаров 1995). Определение человека как клиента ведет к определению его свойств как подозрительных, и то, что применительно к самому эксперту было бы нормальным, для клиента здесь – патология. Так создается стигма неблагополучной семьи, и в эту категорию входят монородительские и многодетные семьи, которые по умолчанию считаются аморальными, несчастными и опасными для общества, с неадекватной ценностной системой и подозрительной сексуальностью. Возникает и концепт «неблагополучных детей», которые, как и их матери, ассоциируются не только с низким экономическим статусом – им приписывается, например, еще и низкий интеллект:

Дети из бедных семей глупее своих богатых сверстников. Об этом заявили западные ученые, которые в течение нескольких лет изучали проблему влияния социальной среды на умственную деятельность человека ... Российские нейропсихологи подтверждают данные исследователей... С этой точкой зрения согласны и педагоги, работающие с неблагополучными ребятами (Поздняков 2006).

Несмотря на то, что в СМИ и блогосфере звучит негативная реакция на подобные суждения (см., напр., Бегунов 2010), их публичный потенциал пока ограничен. Не все люди находят в себе силы противостоять дискриминирующим установкам, которые порой транслируются и в публичном дискурсе (например, на плакатах социальной рекламы «Семья бесценна, когда полноценна – когда в ней трое и более детей»). Стигматизация выполняет функцию социального контроля за нормативным порядком общества, это действует следующим образом. Появление в публичном дискурсе таких категорий людей или семей, как «неблагополучные» и «социально опасные», «группы риска», требует сформировать новые технологии управления и целые профессии (например, полицейские, врачи, педагоги и социальные работники), призванные создать сеть контроля над мужчинами и женщинами, попавшими в ловушку экономической нестабильности (см.: Wacquant 2009).

Более корректными, чем «неблагополучная семья», являются понятия «неблагополучие семьи», «детское неблагополучие». О детском неблагополучии говорят и пишут сегодня очень часто, но раскрывается это понятие либо через столь же широкие синонимы (дезорганизация, девиация, дисфункция, патология), либо через перечень нормативно закреплённых категорий (например, безнадзорность, инвалидность, правонарушения, сиротство). Отметим, что и само понимание благополучия (и неблагополучия) формируется в определенных контекстах. Например, коммунистическая идеология отдавала приоритет коллективистским формам воспитания, а в поздний советский и постсоветский периоды на первое место выходят семейные формы устройства. Видоизменение представления о потребностях детей отражается и в модификации нормативного поля.

Нормативно-правовое поле детского благополучия

В постсоветском отечественном нормативно-правовом поле применяются близкие к понятию «неблагополучие» термины: например, категории «трудная жизненная ситуация» и «социально опасное положение». Понятие «трудная жизненная ситуация» определялось в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» как «объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может пре-

одолеть самостоятельно» (Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», ст. 3, п. 4).

В новом Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который вступит в действие с 1 января 2015 г., в отличие от утратившего силу аналогичного закона, действовавшего в России с конца 1995 г., не нашли применения такие категории, как «трудная жизненная ситуация» или «социально опасное положение», которые можно было бы считать близкими к понятию «неблагополучие». Вместо этого закон предлагает следующий перечень обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности гражданина, а следовательно, дают основания признать его нуждающимся в социальном обслуживании:

1) полная или частичная утрата способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности;

2) наличие в семье инвалида или инвалидов, в том числе ребенка-инвалида или детей-инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе;

3) наличие ребенка или детей (в том числе находящихся под опекой, попечительством), испытывающих трудности в социальной адаптации;

4) отсутствие возможности обеспечения ухода (в том числе временного) за инвалидом, ребенком, детьми, а также отсутствие попечения над ними;

5) наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, наличие насилия в семье;

6) отсутствие определенного места жительства, в том числе у лица, не достигшего возраста двадцати трех лет и завершившего пребывание в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

7) отсутствие работы и средств к существованию;

8) наличие иных обстоятельств, которые нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации признаны ухудшающими или способными ухудшить условия жизнедеятельности граждан (Федеральный закон 2013).

Федеральный Закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несо-

вершеннолетних» относит понятие «социально опасное положение» к несовершеннолетним и семьям. Статья 1 Закона определяет несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении, как «лицо, которое вследствие безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушение или антиобщественные действия» (Федеральный закон 1999. Ст. 1). Семьей в социально опасном положении предлагается считать ту, в которой родители или законные представители несовершеннолетних: а) не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию); б) отрицательно влияют на их поведение; в) жестоко с ними обращаются (Федеральный закон 1999). В таких семьях ослаблен контроль поведения ребенка, что обуславливает высокую степень его подверженности негативным влияниям извне. Такие дети могут быть склонны к нарушению общественного порядка, совершению правонарушений (Фонд поддержки детей 2011: 105). Обратим внимание, что в центре обеих нормативно-правовых категорий находятся внешние условия — ситуация или положение; речь ни в коем случае не идет о «трудных детях», «социально опасной семье» или «социально опасном ребенке». В этом случае речь идет не о плохой семье и не о ненормальных детях, а о непригодных условиях, в которых семья или ребенок оказались. Но и в этом случае важно очень внимательно отнестись к их определениям. Хотя в правовых актах используется более корректная форма словоупотребления, но и здесь есть свои проблемы, в частности, трактовка «социально опасного положения» тоже недостаточно четко операционализирована, а потому вызывает к жизни различные толкования, включая профессиональные жаргонизмы наподобие «СОПовских семей» (от аббревиатуры СОП – социально опасное положение) (см.: Ярская-Смирнова, Романов 2008).

Уровни и принципы обеспечения благополучия

Семья в рассуждениях о детском благополучии, как правило, выступает ключевым агентом социализации, поэтому материальные, психологические и иные трудности, возникающие в семье, рассматриваются как оказывающие влияние на развитие ребенка и его благополучие. Вместе с тем «семейное неблагополучие», являясь одним из главных факторов, определяющих «детское неблагополучие», должно рассматриваться как следствие других явлений социального, экономического, культурного порядка. К причинам увеличения масштабов проблем, с которыми сталкиваются семьи и

дети, некоторые авторы относят события макропорядка, включая кризисные явления в обществе, резкое падение жизненного уровня населения, что, в свою очередь, влечет рост преступности, алкоголизма и наркомании, психических заболеваний; проблемы организации социальной работы с семьей в кризисной ситуации (см., напр., Шмидт 2010); ценностные трансформации в обществе, а также проблемы на уровне отдельных семей, связанные с их социальным исключением из общества, падением их уровня жизни, нарушением поведения, а также проблемами, общими для семей и интернатных учреждений, включая жестокое обращение с детьми и снижение ответственности за судьбы детей (см., напр., Дементьева 2008: 193).

Обеспечение детского благополучия осуществляется на уровне семьи, институтов образования и здравоохранения, социальной защиты, с участием различных акторов социальной системы. Такая деятельность ведется с участием органов власти, государственных и муниципальных сервисов, профессионалов, бизнеса и СМИ, НКО и местных сообществ, благотворительных организаций и фондов. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. может способствовать воплощению в жизнь положений Конвенции о правах ребенка посредством комплексных реформ, направленных на формирование эффективной системы обеспечения детского благополучия.

Именно благополучие (в противовес «неблагополучию») детей становится важным приоритетом национальной политики и одновременно – полем символического противостояния в отношениях между различными группами интересов в стране, а также между государствами и международными акторами. Многие международные организации, занимающиеся вопросами детского благополучия, основывают свою деятельность на принципах инклюзии, полагая, что все без исключения семьи должны иметь социальные и материальные ресурсы, чтобы воспитать своих детей здоровыми, образованными и активными членами их сообществ (Foundation for Child Development 2001). Важным принципом социальной политики и общественной жизни в целом, который становится одним из ключевых условий обеспечения детского благополучия, качества жизни и расширения возможностей развития детей, выступает инклюзия. В недавнем отчете ЮНИСЕФ о детях с ограниченными возможностями в мире речь идет об инклюзивном образовании и инклюзивном здравоохранении (Дети с ограниченными возможностями 2013). Инклюзивные школы нацелены на принципиально иные достижения, чем те, что чаще всего признаются официальной

системой образования. Цель такой школы — дать всем учащимся возможность наиболее полноценной социальной жизни, наиболее активного участия в коллективе, местном сообществе, тем самым обеспечить наиболее полное взаимодействие и заботу друг о друге как членах сообщества (Ferguson et al. 1992; Salisbury 1993; Lipsky, Gartner 1991). Инклюзивное, или дружественное детям, здравоохранение строится на принципах доступности всего спектра услуг всем детям, включая детей с инвалидностью, особенностями интеллектуального развития. Сегодня в разных странах мира применяется целая система индикаторов, по которым оценивается детское благополучие. Такой анализ используется для анализа ситуации в конкретных странах, а также для межстранового сравнения.

Индекс детского благополучия

В зарубежной литературе еще с 1980-х гг. подчеркивалось, что детское благополучие — это многомерный конструкт, включающий когнитивное и эмоциональное, физическое и социальное измерения (Columbo 1984). Это понятие означает возможность успешно, гибко и творчески (новаторски) участвовать в общепринятых практиках и деятельности, в значительной степени определяемой культурой общества. Кроме того, это умонастроение и ощущение, испытываемое от участия в указанной деятельности и практиках (Weisner 1998). Отдельной задачей становится разработка индикаторов для оценки социального обеспечения и защиты детства, а также благополучие детей, находящихся под опекой (см., напр.: Tilbury 2004; Understanding and Measuring Child Welfare Outcomes 2005). Так, детское благополучие рассматривается рядом авторов как цель проводимой развитыми странами политики защиты детства. Речь идет о параметрах безопасности и стабильности, которая, в частности, ассоциируется с минимизацией количества перемещений ребенка из одного учреждения в другое либо максимально быстрым и успешным помещением такого ребенка в приемную семью, под опеку или его возвращение в родную семью. Благополучие трактуется здесь как сфера усилий государства, успешность которых необходимо оценивать в аспектах образования, физического и умственного здоровья и готовности детей к независимой жизни (см.: Understanding and Measuring Child Welfare Outcomes 2005).

Для того чтобы понять проблемы и ресурсы всех детей и их окружения, включая тех, кто находится в неблагоприятной ситуации, и способствовать их благополучию, многие международные организации проводят изучение условий жизни и развития детей, разрабатывая определение понятий, методики оценки и соответ-

ствующие индикаторы. Так, Фонд детского развития (США) в 2004 г. разработал и опубликовал одну из первых систем оценки политики в сфере детства – Индекс детского благополучия, включающий семь основных показателей:

- 1) экономическое/финансовое благополучие семьи;
- 2) состояние взаимоотношений ребенка с семьей и сверстниками;
- 3) состояние здоровья ребенка;
- 4) поведение ребенка, в том числе ведущее к снижению уровня безопасности его жизни (напр., употребление наркотиков, алкоголя);
- 5) образовательные достижения ребенка;
- 6) включенность ребенка в жизнь группы, сообщества (участие в образовательных, экономических и политических институтах);
- 7) эмоциональное благополучие ребенка (O'Hare et al. 2012: 14).

Индекс применяется не только с целью проведения исследований, но и как способ привлечь внимание политиков и всего общества к тем проблемам детей и семей, которые требуют срочного вмешательства со стороны государства и общественности (см.: Foundation for Child Development). В частности, европейские приоритеты в сфере детского благополучия (см.: Building a Europe for and with Children) сегодня формулируются в направлениях, которые соотносятся с основными показателями детского благополучия: соблюдение прав детей, в том числе находящихся в трудной жизненной ситуации (дети-инвалиды, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-мигранты), защита детей от любых форм насилия (включая сексуальное насилие, торговлю детьми, телесные наказания и насилие в школе), развитие социальных сервисов, доброжелательных к детям (в сфере правосудия, здравоохранения и социальных услуг), обеспечение участия детей в жизни общества.

Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) для оценки благополучия детей и сравнения значений этого показателя в различных странах учитывает шесть параметров, которые в целом согласуются с приведенным выше Индексом: материальное благополучие, состояние здоровья и защищенность, образование, отношения в семье и со сверстниками, поведение и риски, субъективное восприятие благополучия самими детьми (ЮНИСЕФ 2007: 2).

Благополучие детей в исследовании ЮНИСЕФ и Независимого института социальной политики (ЮНИСЕФ-НИСП 2011) анализировалось в рамках концепции социальной исключенности, при этом оценивались возможности и ограничения в доступе детей к ключевым социальным благам, ресурсам и правам: экономическое

положение семей с детьми, система социальной поддержки, политика в области охраны здоровья детей, политика в области образования, участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы.

В свою очередь, отсутствие или недостаток благополучия можно трактовать как *неблагополучие*, т.е. как комплекс условий, отражающихся в низких значениях упомянутых показателей: материальная необеспеченность, недоступность медицинских услуг, образования, деструктивные отношения в семье и со сверстниками, поведение, ведущее к ухудшению условий жизни и здоровья самих несовершеннолетних и их окружения, риски различного рода, исходящие извне и из ближайшего окружения ребенка, а также низкая степень удовлетворенности жизнью у детей. Все это сказывается на взрослении и развитии детей, познании мира и своего окружения, на их способности к общению, овладению необходимыми социальными нормами и навыками.

Таким образом, если все же применять концепт «детское неблагополучие», то его можно было бы определить как условия, непригодные для развития ребенка, препятствующие и наносящие вред его жизни, здоровью и развитию. Такие условия имеют как структурный, так и индивидуальный характер и проявляются в низких значениях следующих показателей: материальное благополучие, состояние здоровья и защищенность, образование, отношения в семье и со сверстниками, поведенческие и средовые риски, субъективное восприятие благополучия самими детьми (ЮНИСЕФ 2007: 2). Сложные вопросы, связанные с угрозами жизни, здоровью и безопасности ребенка, в том числе с торговлей и эксплуатацией, насилием, пренебрежением потребностями ребенка, отражаются в структурном параметре «защищенность». Ясно, что эти определения подвергаются регулярному пересмотру, и шкала является предметом рефлексии, переговоров и переосмысления на национальном и международном уровнях.

Согласно ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка, «государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры» (Конвенция о правах ребенка 1989). Благополучие детей относится и к экономической ситуации, в которой живет ребенок, и к тому, каким отношением со стороны сверстников ребенок окружен, каковы его права и возможности для развития (Ben-Arieh,

Frønes 2007: 249–250). Именно государства берут на себя главные обязательства по обеспечению благополучия, причем элементом или подзадачей этого процесса может быть выявление и сокращение факторов риска, или неблагополучия, но этой подзадачей нельзя ограничиваться.

Наряду с решением вопросов прав детей на охрану и поддержание своего здоровья, активное участие детей в жизни общества также является показателем детского благополучия. Идея состоит в том, что дети имеют право быть услышанными и вовлеченными в принятие решений и дома, и на уровне школьного сообщества, и в целом в жизни всего общества по всем вопросам, которые их касаются и влияют на состояние их благополучия (см.: Children's Participation). Иными словами, все дети, независимо от того, воспитываются ли они в родной или приемной семье, находятся ли в учреждении опеки, имеют ли инвалидность — должны знать и осознавать свои права, быть в состоянии их реализовывать и отстаивать, при необходимости обращаясь к государственным, частным и общественным институтам за помощью и поддержкой. Эти позиции также подвергаются оценке в мониторинге детского благополучия.

Оценка детского благополучия

Мониторинг детского благополучия проводится ЮНИСЕФ по пяти параметрам: материальное благополучие, здоровье и безопасность, образование, поведение и риски, условия жизни и среда. В 2013 г. опубликован очередной отчет ЮНИСЕФ, посвященный сравнительному анализу ситуации в 29 развитых странах (UNICEF 2013)¹. Приведем некоторые данные этого отчета. Так, в результате сравнительного анализа было выявлено, что лидером среди выбранных стран по всем измерениям детского благополучия выступают Нидерланды. Кроме того, в этой стране получены наиболее высокие показатели оценки своего благополучия самими детьми — 95% опрошенных детей поставили оценки выше средних по шкале удовлетворенности жизнью (Life Satisfaction Scale). На втором месте после Нидерландов находятся четыре скандинавские страны — Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция. Завершают рейтинг самые бедные из стран, попавших в выборку — Латвия, Литва и Румыния, к ним также присоединяется одна из самых богатых стран — США. Отмечено, что в целом сильной статистической зависимости

¹ К богатым, или развитым, странам относятся страны Западной Европы, несколько стран Восточной и Центральной Европы, Канада и США.

между ВВП и уровнем детского благополучия не выявляется. Так, несмотря на более низкий уровень ВВП, Чехия оказалась выше в списке, чем Австрия, Словения выше Канады, а Португалия выше США. Исследователи полагают, что страны Центральной и Восточной Европы постепенно сокращают дистанцию, догоняя по уровню детского благополучия экономически более развитые державы (UNICEF 2013). Во всех исследуемых странах обнаружено улучшение практически по всем индикаторам детского благополучия, например по уровню материального благосостояния семьи, младенческой смертности, доле курящих среди несовершеннолетних. Некоторые страны демонстрируют спад по ряду показателей и перемещаются на более низкие позиции (например, Испания за 10 лет перешла с 5-го места на 19-е), а другие — подъем (Великобритания поправила свое положение и поднялась с 21-го на 16-е место).

Эти и другие проекты по сравнительной оценке качества жизни, развития и благополучия детей проводятся с целью зафиксировать высокие стандарты, достигнутые наиболее развитыми странами, и способствовать дискуссии во всех странах относительно того, каким образом можно было бы достичь такого уровня заботы о детях. Так, в результате перемещения Великобритании на нижние позиции в рейтинге детского благополучия ЮНИСЕФ 2007 г. был принят ряд мер и к весне 2014 г., в частности, удалось снизить показатели детского курения, употребления спиртных напитков и ожирения, тогда как достижения в сфере образования все еще не достаточно высоки (см.: UK Rises up Unicef Child Well-Being Ranking 2013).

Таким образом, дети и подростки в России испытывают относительно высокие риски благополучия по ряду критериев, используемых в международной практике. Так, несмотря на то, что на протяжении последних десятилетий показатели детской бедности постепенно улучшаются, дети в возрасте до 16 лет по-прежнему подвержены максимальным рискам доходной бедности по сравнению со всеми прочими группами населения. Начиная с 1990-х гг. в России растет уровень детской заболеваемости, а среди российских школьников только один из пяти обладает высокими показателями здоровья по результатам диспансеризации. По показателям, характеризующим отношения детей и подростков в семье и со сверстниками, в соответствии с данными выборочных обследований Россия демонстрирует средние результаты.

В соответствии с рейтингом международной организации «Спасем детей» (Save the Children 2012) в 2012 г. в мире Россия находилась на 38-м месте по величине индекса детского благополучия,

включающего в себя систему показателей детского здоровья, благополучия, доступа к образованию. Ее ближайшими соседями оказались Сербия (37-е место) и Румыния (39-е место). В России несовершеннолетние дети являются крайне уязвимой группой населения с точки зрения первого критерия детского благополучия — *материального положения*. По данным официальной государственной статистики максимальные риски бедности с начала 1990-х гг. и до настоящего времени испытывают именно дети в возрасте до 16 лет, несмотря на то, что они постепенно сокращаются на протяжении всего рассматриваемого периода (ЮНИСЕФ-НИСП 2011). В 2012 г. риск бедности среди детей 0—7 лет составлял 15,8%, а среди детей 8—16 лет — 19,8%, в то время как в среднем для всего населения России этот показатель составлял 11,0%. Таким образом, несмотря на то, что уже с 2006 г. поддержка семей и материнства входит в число приоритетных задач государства, коренного изменения ситуации в сфере материального положения детей и семей с детьми не происходит. Причиной этого является, во-первых, сохраняющийся низкий уровень бюджетных расходов по данному направлению¹ и, во-вторых, отсутствие на практике комплексного (межведомственного) подхода к разработке и реализации семейной политики. Система мер денежной поддержки семей в настоящее время не оперирует понятиями нуждаемости, не учитывает реальных потребностей семей и слабо связана с системой услуг, отсутствие доступа к которым и потребность в которых нередко является более острой проблемой, чем дефицит финансовых средств.

Показатели *состояния здоровья* детей в России пока что также остаются низкими. Итоги диспансеризации школьников 2009 г. показали, что только 20,8% обучающихся могут быть отнесены к первой группе здоровья, в то время как 20,7% детей имеют инвалидизирующие, в том числе хронические, заболевания². При этом по результатам проведенного в 2009—2010 гг. международного исследования поведения детей школьного возраста (11—15 лет) в отношении здоровья (HBSC) в 15-летнем возрасте свое здоровье как низкое или удовлетворительное оценивают 29% девочек и 19% мальчиков, что в сравнении с итогами диспансеризации свидетель-

¹ Совокупные бюджетные расходы на поддержку семей, включая расходы на финансирование школьного образования, достигают по экспертным оценкам 1,8% ВВП, в то время как в странах Европейского союза в среднем уровень расходов составляет 2,3% ВВП, в Швеции — 3,1% ВВП, в Германии — 3,3% ВВП (см.: Ророва 2013).

² Итоги диспансеризации школьников более поздних лет не опубликованы.

ствует о более позитивном восприятии детьми своего здоровья (Currie et al. 2012: 69). Кроме того, с начала 1990-х гг. в соответствии с данными Росстата регистрируется рост заболеваемости детей в возрасте 0—14 лет. Наибольший вклад в общую заболеваемость детей в России обеспечивают болезни органов дыхания, на долю которых ежегодно приходится до 60% всех случаев. Самостоятельной проблемой в сфере российского здравоохранения до сих пор является отсутствие свободного доступа к медицинским услугам отдельных групп населения, а также ограниченный доступ или его полное отсутствие к современным высокотехнологичным услугам — как с точки зрения географической доступности, так и с точки зрения размеров и наличия квот на их предоставление (см., напр., Шишкин, Бурдяк, Селезнева 2008), в связи с чем в данной области сохраняется высокая роль благотворительных и общественных организаций.

Как и сфера охраны здоровья, *образование* является критерием детского благополучия. В настоящее время в развитых странах в рамках концепции человеческого капитала все больше происходит переориентация системы детского образования на раннее развитие, предполагающее увеличение периода дошкольного образования детей (см.: Duncan, Magnuson 2013). В России система государственного дошкольного образования в основном предполагает вовлечение детей начиная с трехлетнего возраста (ясельных групп детского сада в настоящее время практически не осталось). Охват детей в возрасте 1—6 лет дошкольными образовательными учреждениями на протяжении последних лет сохраняется на уровне около 60%, при этом вопрос доступности этих услуг до настоящего времени полностью не решен; сохраняется проблема очередей в детские сады, что отчасти указывает на то, что социальная политика является фамилиалистской. Охват детей общим образованием в 2011 г. по данным Росстата достиг уровня в 99,6%. Численность детей и подростков в возрасте 7—18 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях, в 2012 г. составила 30 тыс. чел., 42% из них выбыли из общеобразовательных учреждений или учреждений, реализующих программы начального и среднего профессионального образования, или же никогда не учились в них по причинам, не связанным с состоянием здоровья.

Сложнее получить оценку детского благополучия по такому критерию, как *отношения в семье и со сверстниками*. Качество отношений детей с родителями и другими родственниками крайне сложно поддается измерению, в том числе и поскольку они, как правило, скрыты от посторонних наблюдателей. Международное

исследование поведения детей школьного возраста в отношении здоровья показало, что в России 85% девочек и 91% мальчиков в возрасте 11 лет отмечают легкость в общении с матерью, а к 15 годам аналогичные показатели составляют уже 80 и 85% соответственно. Легкость в общении с отцом распространена в российских семьях в меньшей степени: на нее указывают 67% девочек и 81% мальчиков в возрасте 11 лет и только 58% девочек и 78% мальчиков 15-летнего возраста (Currie et al. 2012: 19–28). В рамках того же обследования на основе вопросов о количестве близких друзей и характере и частоте общения с ними была проведена оценка отношений подростков со сверстниками. Российские школьники показали одни из самых низких результатов в выборке по такому параметру, как наличие трех и более близких друзей того же пола: этому критерию удовлетворяли 60 и 71% 11-летних девочек и мальчиков соответственно (в среднем по выборке по всем странам — 83%), а среди 15-летних таких оказалось уже 46 и 68% (в среднем по выборке — 77%). В то же время российские подростки показали высокие в сравнении с другими странами оценки таких показателей, как проведение вечеров с друзьями вне дома и общение со сверстниками с использованием электронных средств связи (Currie et al. 2012: 29–43). Авторы исследования отмечают, что последние параметры могут оказывать как позитивное, так и неблагоприятное влияние на развитие и безопасность подростков.

Еще одним фактором детского и подросткового неблагополучия являются *поведенческие риски*. Как правило, к рисковому поведению относят как действия, связанные с повышенными рисками для здоровья — употребление табака, алкоголя и наркотических веществ, отсутствие предохранения при сексуальных контактах, — так и поведение, сопряженное с повышенным травматизмом и угрозой смерти. Российская система профилактики детского неблагополучия в настоящее время реализует свой потенциал не полностью: по данным официальной российской статистики более 50% смертей среди подростков происходит от внешних причин (Молодежь в России 2010), предотвращение наступления которых и является основной задачей профилактики.

Российские подростки демонстрируют низкую склонность к самосохранительному поведению. По данным Всемирной организации здравоохранения на 2012 г. в возрасте 13–15 лет курили 25% российских подростков, а «пассивными» курильщиками являлись почти 90% (Россия лидирует 2012). Официальная статистика свидетельствует также о крайне высокой распространенности табакокурения среди подростков старших возрастных групп: в возрасте

15—17 лет курит каждый второй мальчик и каждая четвертая девочка, и распространенность этой привычки среди девочек в последнее время возрастает достаточно быстро. По результатам исследования поведения детей школьного возраста в отношении здоровья к 15 годам 9% российских девочек и 13% мальчиков употребляют алкоголь не реже раза в неделю, 6 и 11% девочек и мальчиков соответственно в том же возрасте имеют опыт употребления конопли. Возраст первого опыта курения и употребления алкоголя становится все более ранним. В России 23% опрошенных 15-летних девочек и 32% опрошенных сверстников мужского пола сказали, что первый раз загнулись табаком в 13 лет. В обследовании 2009—2010 гг. Россия по этому показателю находится в середине рейтинга, который по масштабам курения в раннем возрасте возглавляет Эстония (48% девочек и 63% мальчиков закурили с 13 лет), а замыкает Армения (4 и 13% соответственно) (Currie at al. 2012: 155, 143).

Со стремительным расширением доступа детей и подростков к информационным и коммуникационным технологиям появляются и новые риски для благополучия несовершеннолетних. Наиболее распространенным риском, с которым сталкиваются российские подростки, имеющие доступ к Интернету, является встреча с незнакомцами: 40% опрошенных в возрасте 9—16 лет сообщили, что встречались в реальной жизни с людьми, с которыми они познакомились в интернет-чатах. Существенные риски, выявленные в ходе исследования «Поколение Рунета» (Бежер и др. 2011), включают также доступность для детей контента, адресованного взрослым, использование вредоносных для психического здоровья ребенка программ, а также кибербуллинг. В целях профилактики таких рисков необходимо не только устанавливать контроль и систему запретов, но повышать информированность как взрослых, так и несовершеннолетних пользователей о безопасном и оптимальном использовании этих технологий, способствовать развитию таких практик и ресурсов, которые бы поощряли конструктивное поведение несовершеннолетних интернет-пользователей. Эти проблемы являются новыми и чрезвычайно сложными, и предстоит немало сделать для того, чтобы понять, каким образом государство и общество могут обеспечить и гарантировать кибербезопасность детей (см., напр.: Cyberbullying Statistics).

Агрессивное поведение и распространение физического насилия в подростковой среде является еще одним серьезным источником возникновения поведенческих рисков. Результаты выборочного исследования поведения детей показывают, что Россия демонстрирует высокие показатели распространенности

драк по сравнению с другими странами среди подростков всех возрастов. В 11 лет 6% российских девочек и 27% мальчиков участвовали в драке не менее трех раз за год, предшествовавший опросу. По этому показателю Россия находилась в 2009–2010 гг. в верхней части рейтинга; отставая только от таких стран, как Украина, Латвия, Чехия, Армения и Бельгия (в Бельгии показатель достиг 18% среди девочек и 38% среди мальчиков). Среди 15-летних аналогичный показатель составил 6 и 18% соответственно (Currie et al. 2012: 187).

Понятие «неблагополучие» приобрело множество смыслов и распространилось во многих сферах – в политике, социальном обслуживании, массмедиа, проникло в учебную и научную литературу, а следовательно, стало влиять и на подготовку кадров для социальной сферы. За акцентом на неблагополучии в риторике национальной политики и в практике защиты детства и работы с семьей прочитывается ориентация на контролирующую и пunitивную функции социальной политики. Между тем вопрос о том, что именно считать благополучием для ребенка, будет получать разные ответы в зависимости от системы ценностных координат. Представляется, что концептуальная основа мониторинга детского благополучия должна строиться на определении детского благополучия, принятого в мировой практике сравнительных исследований. Основные параметры оценки детского благополучия можно соотносить со структурными уровнями концепции профилактики рисков, обязательствами России по соблюдению Конвенции ООН о правах ребенка и других стратегических ориентиров, заданных на международном и национальном уровнях. В программе мониторинга профилактики детского благополучия в России необходимо учитывать параметры материального благосостояния, здоровья и безопасности, образования, поведения и рисков, условий жизни и среды, а также субъективного ощущения благополучия самими несовершеннолетними. Можно также проводить мониторинг, сфокусированный на определенных целевых группах, чьи показатели благополучия наиболее низки (например, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-инвалиды и дети, находящиеся в конфликте с законом). Регулярный мониторинг сам по себе не может изменить условия, в которых живут дети, но может сыграть важную роль в принятии стратегических решений, в частности по улучшению системы социальных услуг.

Систематизация и анализ деятельности основных социальных институтов и данных официальной статистики по каждой из таких целевых групп позволят увидеть важные усилия, осуществляемые в сфере профилактики детского неблагополучия, достигнутые результаты, а также отметить точки роста и перспективы развития в этой области. Кроме того, анализ данных официальной статистики позволяет определить направления разработки не только главных аспектов профилактики детского неблагополучия, но и системы статистического учета, а следовательно, оценки указанного явления по необходимым параметрам. Сложность оценки эффективности мер профилактики детского неблагополучия и обеспечения благополучия связана с несовершенством и ограниченными возможностями сбора необходимых для этого данных. Крайне затруднен анализ результативности мер первичной профилактики, касающейся предотвращения и преодоления семейной бедности, насилия и других проблем и следующих за ними повышенных рисков сиротства, безнадзорности, вовлечения в противозаконную деятельность. Ведь на обеспечение семейного и детского благополучия в таком широком понимании работают одновременно множество институтов: образование, здравоохранение, рынок труда, службы социальной помощи и сопровождения, местное сообщество. И подсчет случаев успешного предотвращения тех или иных рисков практически невозможен; здесь требуются иные подходы к оцениванию, в частности учитывающие инклюзивный характер социальных взаимодействий в этих институтах.

Список источников

Бегунов В. Туапсинские власти обзвали семьи с одним ребенком неполноценными // Комсомольская правда. 16.09.2010 // <http://www.kp.by/daily/24559.4/733823/> (дата обращения: 12.01.2014).

Бежер Г., Ховейда П.К., Синха А., Бадд Дж., Джухари Л., Тихомиров В., Кочинева А. Поколение Рунета. Поисковое исследование российского цифрового пространства. 16.06.2011 // www.rfdeti.ru/files/runet_generation_rus.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Влияние и роль донорских организаций в оценке социальных программ в сфере детства // <http://victoriacf.ru/2046/vliyanie-i-rol-donorskih-organizatsij-v-otsenke-sotsial-ny-h-programm-obshhie-pohody-k-otsenke-sotsial-ny-h-rezul-tatov-proektov-i-programm-v-sfere-detstva/> (дата обращения: 12.01.2014).

Гофман И. Стигма. Ч. 1: Стигма и социальная идентичность. Ч. 2: Контроль над информацией и социальная идентичность (гл. 3–6) / пер. с англ. М. С. Добряковой // Социологический форум. 2001. № 1–4 // http://ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения: 12.01.2014).

Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате...

Дементьева И.Ф. Социально-экономическое положение семьи и проблемы социализации детей // Голенкова З.Т. (ред.) Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 181–194.

Дети с ограниченными возможностями. Положение детей в мире. UNICEF, 2013 // www.unicef.org/publications/files/SOWC13-russian.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Елизаров А.Н. Ценностные ориентации неблагополучных семей // Социологические исследования. Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской Академии наук. 1995. № 7. С. 93–99.

Исола А.-М. Неблагополучные семьи: риторика российской демографической политики // Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 404–426.

Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 12.01.2013).

Львовский С. Под знаком ювенальной юстиции // Pro et Contra. 2010. № 1–2 // <http://carnegie.ru/proetcontra/?fa=40840> (дата обращения: 12.01.2013).

Общие принципы в оценке социальных результатов программ в сфере защиты детства. Партнерская инициатива БФ «Культура детства» и ДФ «Виктория» при поддержке „Evolution and Philanthropy“ // <http://socialimp.wordpress.com/> (дата обращения: 12.01.2013).

Орлова Н.А. Жизненные стратегии неблагополучных семей в регионах России // Гурко Т.А. (ред.) Актуальные проблемы семей в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 149–162 // <http://ecsocman.hse.ru/text/19211309/> (дата обращения: 12.01.2013).

Поздняков А. Бедный, значит неумный. Плохие социально-экономические условия разрушают детский мозг // Новые известия. 16.10.2006 // www.newizv.ru/news/2006-10-16/56101/ (дата обращения: 12.01.2013).

Рид Дж. Г. Жестокое обращение с детьми: американская перспектива // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2 № 2. С. 265–282.

Россия лидирует по уровню подросткового курения среди стран Восточной Европы. 31.05.2012 // Центр новостей ООН // <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=17603#.UlzoRVB7Lps> (дата обращения: 12.01.2013).

Солодников В.В. Социально дезадаптированная семья в контексте общественного мнения // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 76–84.

Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/105642/> (дата обращения: 12.01.2014).

Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // <http://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 12.01.2014).

Федеральный закон от 28.12.2013 № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // <http://www.rosmintrud.ru/docs/laws/112> (дата обращения: 12.01.2014).

Фонд поддержки детей. Дети в трудной жизненной ситуации: актуальные проблемы. Доклад Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2011.

Фонд поддержки детей. Дети в трудной жизненной ситуации: профилактика неблагополучия. Доклад Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2013.

Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей. М.: Изд-во «Владос-Пресс», 2006.

Шишкин С.В., Бурдяк А.Я., Селезнева Е.В. Различия в доступности медицинской помощи для населения России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 8. С. 135–158.

Шмидт В.Р. Согласованная политика охраны детства: благое пожелание или достижимая цель (российский и чешский опыт) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 7. № 2. С. 151–175.

ЮНИСЕФ. Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах: доклад Исследовательского центра «Инноченти». Вып. 7. Флоренция: Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти», 2007.

ЮНИСЕФ-НИСП. Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М.: ЮНИСЕФ-НИСП, 2011 // <http://www.unicef.ru/upload/iblock/b6e/b6e95c80c100fe40629a3024b2a59018.pdf> (дата обращения: 12.01.2013).

Ярская Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14–25.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. «Скрытое знание» в фольклоре профессиональных групп // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 33–49.

Ben-Arieh A., Frønes I. Indicators of Children's Well-Being: What should be Measured and Why? // Social Indicator Research. 2007. № 84. P. 249–250.

Building a Europe for and with Children. Strategy 2012–2015 // <http://www.coe.int/t/dg3/children/> (дата обращения: 12.01.2013).

Children's Participation // http://www.coe.int/t/dg3/children/participation/Newdefault_en.asp (дата обращения: 12.01.2014).

Columbo S.A. General Well-Being in Adolescents: its Nature and Measurement: PhD thesis. St. Louis University, 1984.

Currie C., Zanotti C., Morgan A., Currie D., de Looze M., Roberts Ch., Samdal O., Smith Otto R.F. and Barnekow V. Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков. Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC): международный отчет по результатам опроса, проведенного в 2009–2010 гг. Политика здравоохранения в отношении детей и подростков. 2012. № 6 // http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/163857/Social-determinants-of-health-and-well-being-among-young-people.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Cyberbullying Statistics // <http://www.internetsafety101.org/cyberbullyingstatistics.htm> (дата обращения: 12.01.2014).

Duncan G.J., Magnuson K. Investing in Preschool Programs. *The Journal of Economic Perspectives*. 2013. Vol. 27. № 2. P. 109–132.

Ferguson D.L., Meyer G., Jeanchild L., Juniper L. and Zingo J. Figuring out What to Do with Groupings: How Teachers Make Inclusion «Work» for Students with Disabilities // *Journal of the Association for Persons with Severe Handicaps*. 1992. № 17. P. 218–226.

Foundation for Child Development. 100 Years of Commitment to Children: Change and Continuity. 2001. January 1 // <http://fcd-us.org/resources/100-years-commitment-children-change-and-continuity> (дата обращения: 12.01.2014).

Foundation for Child Development. National CWI // <http://fcd-us.org/our-work/child-well-being-index-cwi/national-cwi> (дата обращения: 12.01.2014).

Lipsky D.K., Gartner A. Achieving Full Inclusion: Placing the Student at the Center of Educational Reform // Stainback W. and Stainback S. (eds.) *Controversial Issues Confronting Special Education: Divergent Perspectives*. Boston: Allyn & Bacon, 1991. P. 3–13.

O'Hare W., Mather M., Dupuis G. Analyzing State Differences in Child Well-Being. Foundation For Child Development. 2012. January // <http://fcd-us.org/sites/default/files/Analyzing%20State%20Differences%20in%20Child%20Well-Being.pdf> (дата обращения: 12.01.2014).

Popova D. Impact Assessment of Alternative Reforms of Child Allowances Using RUSMOD – the Static Tax-Benefit Microsimulation Model for Russia // *International Journal of Microsimulation*. 2013. Vol. 6. № 1. P. 122–156.

Salisbury C.L., Palombaro M.M., Hollowood W.M. On the Nature and Change of an Inclusive Elementary School // *The Journal of the Association for Persons with Severe Handicaps*. 1993. № 18. P. 75–84.

Save the Children. The Child Development Index 2012. Progress, Challenges and Inequality. London: Save the Children, 2012 // http://www.savethechildren.org.uk/sites/default/files/docs/Child_Development_Index_2012_UK_low_res.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Tilbury C. The Influence of Performance Measurement on Child Welfare Policy and Practice // *The British Journal of Social Work*. 2004. Vol. 34. № 2. P. 225–241.

Ярская-Смирнова, Романов, Антонова, Бирюкова

UK Rises up Unicef Child Well-Being Ranking // BBC news. 10.04.2013 // <http://www.bbc.co.uk/news/uk-22083762> (дата обращения: 12.01.2014).

Understanding and Measuring Child Welfare Outcomes // Evidence for Practice. An Exacutive Summary. 2005. № 3. P. 3–4.

UNICEF. Child Well-being in Rich Countries: A Comparative Overview // Innocenti Report Card 11. UNICEF Office of Research. Florence, 2013.

Wacquant L.J.D. Punishing the Poor: the Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham, NC and London: Duke University Press, 2009.

Weisner T. Human Development, Child Well-Being, and the Cultural Project of Development // *New Directions in Child Development.* 1998. Vol. 1. № 80. P. 69–85.